

Ю. Д. АПРЕСЯН КАК ТЕОРЕТИК ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ

В истории науки всегда интересно, как ученые, разделенные в пространстве и во времени, независимо приходят к сходным идеям — конечно, в каждом случае носящим специфический отпечаток тех условий, в которых они возникли. Эта специфичность часто может заслонять действительную общность взглядов, не очевидную по разным причинам ни современникам, ни потомкам.

Одно из таких сближений — с нашей точки зрения, важное и показательное — мы бы и хотели обсудить ниже. Мы, таким образом, предлагаем не анализ языкового материала: эта статья — не о словах и конструкциях, она о судьбе идей. Речь пойдет, в частности, о лингвистической теории, которая сегодня широко известна под названием «Construction grammar» (сокращенно CxG). Ее придумал Чарльз Филлмор в конце 80-х гг. прошлого века; сейчас она имеет немало сторонников в США и Европе, как среди теоретиков, занимающихся общими проблемами устройства языка (таких как А. Голдберг, М. Томаселло, У. Крофт), так и среди лингвистов-практиков, использующих аппарат CxG для решения конкретных описательных задач (таких как Э. Домбровска, С. Кеммер, Л. Микаэлис, А. Стефанович и мн. др.). Не имея здесь возможности подробно охарактеризовать это очень интересное направление (тесно связанное с современной когнитивной и корпусной лингвистикой и, как и эти последние, идейно противопоставляющей себя генеративным и другим «формальным» синтаксическим теориям), отсылаем читателя к опубликованным на русском языке обзору в [Рахилина 2000] и рецензии [Кузнецова 2007], а также к общим работам [Fillmore, Kay, O'Connor 1988; Croft 2001; Goldberg 1995, 2003, 2006; Tomasello 2003], сборникам [Fried, Östman (eds.) 2004; Fried, Boas (eds.) 2005; Östman, Fried (eds.) 2005]¹. Существенно, что центральным для этой теории является понятие конструкции как двусторонней языковой единицы («form-meaning pairing», в терминологии Голдберга), которая не может быть получена непосредственно из составляющих ее единиц с помощью композиционных (аддитивных) правил. Конструкции помещаются в центр грамматики языка, охватывая как синтаксис, так и морфологию (как конструкции, в частности, рассматриваются и простейшие «структурные схемы» типа атрибутивных или тран-

¹ В плане общего знакомства с современной «грамматикой конструкций» интересен также первый номер журнала *Cognitive Linguistics* за 2009 г., в котором представлены различные точки зрения pro и contra этой теории.

зитивных синтагм, и морфологически неэлементарные словоформы). В усвоении языка ребенком и диахронических изменениях языка (в том числе и в процессе грамматикализации) роль конструкций также объявляется важнейшей.

Между тем сам термин «конструкция» в лингвистических описаниях использовался очень давно и очень широко, и для авторов теории, которая кладет конструкции в основу лингвистического описания, с этим обстоятельством, конечно, связана определенная проблема: необходимо каким-то образом пояснить, что нового дает подход СхГ по сравнению с традиционным. Так, и в русской традиции термин «конструкция» встречается часто, в том числе и в основных грамматиках русского языка, причем даже в 1960-е годы он использовался именно для описания сложных языковых единиц, функционирующих в речи как целое. Многие работы были нацелены на поиск как раз такого рода единиц, составление их списков, классификацию, описание поведения в тексте.

Сказанное прежде всего можно отнести к двум ранним монографиям по синтаксической семантике русского языка: [Шведова 1960; Апресян 1967]; обе они были опубликованы много раньше самых первых упоминаний о СхГ. Однако «Экспериментальные исследования русского глагола» Ю. Д. Апресяна значительно более тесно связаны с идеологией СхГ, чем работы его современников, и поэтому заслуживают подробного обсуждения. Надо сказать, что для такого обсуждения есть и другая причина (и о ней мы уже неоднократно писали раньше): эта книга оказалась незаслуженно недооцененной, будучи совершенно заслонена вышедшей через несколько лет и сразу ставшей знаменитой «Лексической семантикой».

В «Экспериментальных исследованиях...», как известно, предложена классификация русских глагольных конструкций, построенная на материале моделей управления примерно полутора тысяч наиболее продуктивных глагольных лексем². Основной объект анализа в ней — ядерные глагольные конструкции, т. е. те, в которых нет «лишних», сирконстантных позиций и в которых поэтому «отражены синтаксические свойства глагола и только они» (с. 48). Их описание подчинено строгим формальным принципам, как это было в то время принято: строятся трансформационные классы, деревья, иерархические классификации и т. д. За всем этим стоит огромная и трудоемкая работа с русской глагольной лексикой (ведь об автоматизации труда лингвиста тогда можно было только мечтать). Не входя в подробности этих операций, попробуем оценить базовые постулаты, которые легли в основу данного исследования.

Прежде всего, это прямая связь синтаксиса и семантики, ср: «Подобно тому, как внутренние (психические) состояния проявляются физиологически, «внутренние состояния» (значения) элементов текста проявляются в их синтаксическом поведении, доступном наблюдению» (с. 24).

² Список этих лексем дается в конце книги и представляет самостоятельную ценность: в частности, авторы настоящей статьи до появления Национального корпуса русского языка многие эксперименты с русской глагольной лексикой делали, опираясь именно на этот список.

Уже вводная часть книги («Предмет и методы современной семантики») содержит раздел, в котором обсуждается, с одной стороны, унификация синтаксиса под давлением семантики, т. е. выравнивание по аналогии (с. 27—29), а с другой — давление синтаксиса на семантику (с. 29—32), или, в терминологии СxG — эффект *coercion* (см. подробнее [Michaelis 2004; 2005]; ср. также [Partee 1995; 2007]).

Первое иллюстрируется (с. 28) диахроническими примерами перестройки устаревшей модели управления глагола под влиянием более продуктивных представитель той же семантической группы, ср. *сожалеть кого* (как в: *сожалеть моего героя*) → *сожалеть о ком* (ср. *беспокоиться, горевать, тосковать о ком-л.*), а также случаями характерных речевых ошибок по причине синтаксической контаминации с семантически близким словом, ср. *коснуться о чем-л.* по аналогии с *говорить о чем-л.*

Второго рода явление также подробно объясняется и иллюстрируется, ср. с. 29: «...в языке существуют группы слов, помещение которых в несвойственный им синтаксический контекст может окказионально изменить их значение»; в подтверждение этому далее рассматриваются глаголы *валать, драсть, дуть, жарить, катать, резать, садить, сыпать, хватить, чесать*. Они имеют способность приобретать одно из следующих четырех исходно несвойственных им значений ('бить', 'идти, бежать', 'говорить, писать', 'играть, плясать'), если их поместить в соответствующий каждому из этих значений синтаксический контекст, ср. *дуть в штаб на дрезине* или *жарить что-л. на гармошке* (с. 30). Далее (с. 124 и след.) речь идет об интерпретации выделенных ядерных конструкций и их трансформов. Выделяются классы фраз со значением беспорядочного движения, мнения, предназначения объекта для некоторой цели и т. д., и т. п. Легко видеть, что и по своей идеологии, и по степени внимания к языковому материалу «Экспериментальные исследования...» вполне вписываются в круг работ, представляющих СxG. Собственно, последние примеры прекрасно дополняют и иллюстрируют десятками разнообразных конструкций общие положения, изложенные А. Голдберг лишь 30 лет спустя³ (причем на гораздо более ограниченном материале), так что в данном отношении эти книги хорошо сопоставимы. Более того, довольно близкими к СxG оказываются в [Апресян 1967] не только идеи, но и сами формулировки, ср. следующий фрагмент на с. 26: «...связь (между семантическими и синтаксическими признаками) ка-

³ Речь идет прежде всего о предложенном Голдберг (см. [Goldberg 1995]) анализе известных примеров вида *to sneeze the napkin off the table*, букв. 'счихнуть салфетку со стола'. Чтобы объяснить, каким образом семантически односторонний и синтаксически непереходный английский глагол *to sneeze* 'чихнуть' употребляется в составе транзитивной конструкции, не выделяя при этом у глагола дополнительного значения, Голдберг, в полном соответствии с идеями СxG, переносит «центр тяжести» в лингвистической интерпретации этого эффекта с глагола на конструкцию, указывая, что глагол (прототипически интранзитивный) при определенных условиях может встраиваться и в транзитивную конструкцию; в последнем случае его семантика определяется свойствами конструкции, к которым глагол — конечно, не любой, а удовлетворяющий определенным условиям — имеет возможность «приспособиться».

жется особенно ясной тогда, когда использование той или иной конструкции связано с четкими лексическими ограничениями на словарный материал, который может ее заполнять, например, *Мне влетело (досталось, попало) от отца*. (...) В действительности связь между семантическими и синтаксическими свойствами слов имеет место и в тех случаях, когда лексические ограничения на словарный материал, способный заполнять ту или иную конструкцию, кажутся менее четкими». Последнее положение иллюстрируется мега-конструкцией с дательным падежом (около 70 примеров) типа *верить другу, повиноваться приказу, хлопать артисту*: речь идет о том, что разнородные глаголы, попадающие в этот список, тем не менее имеют нечто общее в своей семантике — именно то, что позволяет говорящему объединять данную серию конструкций и оформлять ее единообразно.

Обратим внимание и на небольшое замечание в заключении (пункт 7 на с. 233). В принципе, вне сопоставления с СхG оно может пройти совершенно незамеченным — между тем оно прямо оппонирует порождающей грамматике именно с тех позиций, которые впоследствии «открыла» СхG: «Хотя в данном исследовании не ставилась задача построения порождающей грамматики в смысле Н. Хомского, из рассмотренного в нем материала можно сделать вывод, имеющий принципиальное значение для нее». Речь фактически идет о взаимозависимости ограничений внутри конструкции, т. е., в контексте рассматриваемого материала, о том, что «каждый класс глагольных значений требует особой классификации существительных, потому что различия между существительными, важные для одного класса глагольных значений, оказываются несущественными для другого и наоборот». Другими словами, прямо связывающими эту работу со всеми последующими книгами Ю. Д. Апресяна, — «мир существительных предстает перед нами по-разному в зависимости от точки зрения, которую мы выбираем, а точкой зрения часто является узкий класс глагольных значений».

На наш взгляд, это очень важное теоретическое положение, которое касается природы языковых правил: и традиционные, и формальные теории исходят из того, что ограничения на употребления, которые составляют основу правил, представляют собой сумму условий, действующих для каждой из переменных. Так, для двучленной конструкции (например, предикатно-аргументной вида *глагол + существительное*) обычно формулируются две группы ограничений — отдельно на глаголы и на существительные, каждое из которых, как считается, накладывает «вето» на существование конструкции в целом. Между тем описанный выше альтернативный подход обращает внимание на взаимодействие условий, относящихся к каждой из переменных конструкции, считая, что случаи простого суммирования ограничений крайне редки и языковые правила должны строиться по более сложным принципам.

Получается, что еще в 1967 г. Ю. Д. Апресяном были в явном виде сформулированы по крайней мере некоторые ключевые положения СхG: взаимовлияние семантики и синтаксиса (перестройка синтаксических моделей по аналогии и семантические сдвиги типа coercion), а также взаимозависимость ограничений на раз-

ные переменные в конструкции. Однако мы хорошо знаем, что развитие семантико-синтаксических исследований в Московской семантической школе (да и в целом в отечественной лингвистике) в последующие годы в целом пошло по другому, совсем не похожему на СхG, пути. Действительно, ни одна задача, о которых мы говорили в связи с глагольными конструкциями, на русском материале до сих пор не решена: нет полных списков исторически сменившихся моделей управления (с объяснением причин изменений), нет перечня моделей, подверженных действию аналогии, неизвестны ни конструкции, способные оказать давление на семантику глаголов, т. е. склонные к *coercion*, ни глаголы, которые легко (или с трудом) поддаются под это давление в тех или иных условиях⁴. Почему так получилось?

По-видимому, одна из лингвистически существенных «внутренних» причин этого в том, что первый опыт работы с лексической семантикой большого массива глаголов ясно продемонстрировал автору, что в процессе поиска общих правил, на которые была нацелена книга, обнаружилось слишком много исключений. Так, на с. 190 и след. подробно рассматривается — правда, на примере предикатных имен, а не глаголов — семантическая подоплека синтаксических различий между квази-синонимами *закон, правило, просьба, рекомендация, совет, требование*. И каждый раз — вопреки общей стратегии книги — обращается внимание на «штучность» такого рода различий, на новые и новые факты, противоречащие непосредственной, буквальной, системной связи синтаксиса и семантики: «...описание значений синтаксиса не решает всех проблем семантики» (ср. с. 32 и далее).

В каком-то смысле здесь мы видим столкновение двух противоположных точек зрения на синтаксическую семантику. Интересно, что обе они получили развитие в последующих работах Ю. Д. Апресяна и его учеников, но источник этого развития, по нашему мнению, — именно в книге 1967 г.

В самом деле, в «Лексической семантике» (1974) и в «Типах информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл ⇔ Текст”» (1980) собраны описания самых разных свойств лексем и грамем, прежде всего глагольных. Здесь и общие, и индивидуальные свойства, и свободное владение этим бесценным материалом отражает огромный практический опыт автора, который позволил ему затем осуществить множество новаторских словарных проектов, таких как Англо-русский синонимический словарь [Апресян и др. 1979], Русско-венгерский словарь глагольного управления [Апресян, Палл 1982], Большой англо-русский словарь [Апресян и др. 1993—1994] и, наконец, большой лексикографически и теоретически значимый проект Нового объяснительного словаря синонимов [Апресян и др. 2004]. С одной стороны, всё это — включая работу над системами автоматического перевода — заставляло заниматься лексикой в постоянной связи с грамматикой и сочетаемостью, а значит, фактически описывать конструкции (ср. очень характерный опыт комплексного описания русских конструкций вида *негде спать* в

⁴ Отметим, впрочем, шаг в этом направлении, сделанный в книге [Розина 2005] в связи с исследованием семантико-синтаксического поведения нескольких групп глаголов в литературном языке и в сленге.

работе [Апресян, Иомдин 1989])⁵. С другой стороны, то внимание, которое приходилось проявлять к деталям, нюансам и всем типам «штучного» поведения лексем в 1967 году, теперь удвоилось, утроилось и удесятерилось.

Сегодня мы можем анализировать результаты, полученные Ю. Д. Апресяном в работе с лексикой, опираясь на теоретическое обобщение его лексикографического опыта в первом томе недавно вышедших «Исследований по семантике и лексикографии» (2009). Интересно рассмотреть некоторые из этих обобщений на фоне его же идей 1967 г. и под углом современной Грамматики конструкций.

Прежде всего: Ю. Д. Апресян, точно так же, как и авторы СxG, настаивает на системном, идеографическом подходе к лексике — как к сложно организованному множеству классов; это ясно и из работы 1967 года — верно и теперь. В таком случае для него конструкции предстают как *диагностики* этих классов. Таких конструкций-диагностик в книге обсуждается множество — хватило бы на целую конференцию по СxG. Вот лишь некоторые примеры:

- глагольная конструкция с предлогом *в* vs. *за* (*упрекать в чем-л / за что-л*), с. 88;
- предложная конструкция *в* + S₀ (*в беспокойстве*) vs. *с* + S₀ (*с беспокойством*), с. 90;
- словообразовательные глагольные конструкции с суффиксами *-нича-* (ср. *вредничать*), с. 91 и *-и-* (ср. *толстить*), с. 95;
- знаменитый русский генитив с отрицанием, с. 104—108;
- противительная конструкция *не X, а какой-то Y* (*не мать, а какая-то ведьма*), с. 117;
- риторический и экзаменационный вопросы как конструкции, с. 117;
- конструкция «холистической интерпретации», или, как ее еще называют, «полного охвата» (*намазать масло на хлеб — хлеб маслом*), с. 130—131;
- конструкция с намеренным творительным (*уколоть палец иголкой — ср. об иголку*), с. 131
- каузатив обслуживания (*стричься у кого-л.*), с. 135;
- конструкции кратного движения *из угла в угол, из стороны в сторону* и под., с. 154;
- творительный транспорта (*ехать поездом*), с. 159;
- *ходить по грибы / *по орехи*, с. 160.

Этот список можно многократно увеличить (к большому сожалению, издатель «Исследований по семантике» сэкономил и не приложил к первому тому книги ни одного указателя, полностью «забыв» неудачный опыт первого издания «Лексической семантики»). Понятно, что будучи лишь диагностиками, сами конструкции не являются в книге специальным предметом описания, хотя довольно подробно анализируются. Автора как лексиколога и лексикографа интересуют совсем другие сюжеты, связанные с методиками и теоретической базой новых словарей: метая-

⁵ Вообще, в Московской семантической школе наиболее плодотворным оказалось изучение таких конструкций, свойства которых оказались связаны со свойствами небольших лексических групп или даже единичных лексем. Именно для таких типов конструкций — в терминологии СxG, «синтаксических идиом» — был введен термин «синтаксическая фразема», или «фразеосхема» (ср. определение, воспроизведенное в книге [Апресян 2009]), а в дальнейшем на его основе разработано очень емкое понятие «малого синтаксиса» (ср. [Иомдин 2003]).

зык толкований, лексикографическая терминология, порядок следования значений в словарной статье, противопоставление значений и употреблений и др., но среди прочего — принципы базовой классификации лексики.

Здесь существенно, что, по мнению Ю. Д. Апресяна (см., например, с. 39 или с. 191), классификация лексики не может быть жесткой, т. е. классы неизбежно пересекаются и одна и та же лексема может попасть одновременно в несколько классов. В этом смысле «искать надо не столько классы, сколько семантические классификаторы» (с. 39) — т. е. те устойчивые параметры, по которым противопоставляется лексика. Другими словами, искать нужно *систему противопоставлений*. Здесь Ю. Д. Апресян ссылается на давнюю работу Э. Кинэна (1982) о диагностиках определения подлежащего — между тем такая позиция по отношению к лексике очень близка идеям Голдберг, а по отношению к грамматическим значениям ту же позицию защищает Крофт; ср. также [Bybee, Dahl 1989]. Легко видеть, что в этом случае мы опять сталкиваемся с очевидным совпадением точек зрения лексикографа Ю. Д. Апресяна и СxG. Однако в целом общая задача лексикографа имеет другие приоритеты, чем приоритеты грамматистов, и прежде всего это приоритет лексикографического портрета над лексикографическим типом (с. 161), несмотря на признание системности лексики и языка в целом. Лексикограф считает, что у каждой лексемы много индивидуальных и не всегда мотивированных свойств, которые проявляются в разных конструкциях-диагностиках, и все они — при условии хоть малейшей их нерегулярности и непродуктивности — должны быть отражены именно в словаре.

На первый взгляд, и здесь нет противоречий, как если бы Ю. Д. Апресян и СxG двигались навстречу друг другу, решая одну и ту же задачу с разных концов: он описывает лексику через конструкции, а они — конструкции, опираясь на поведение в них лексики — в частном случае конкретные результаты вполне могут совпасть. Однако нельзя быть уверенным, что у этих подходов одна и та же философия. Для СxG (как и для большей части западной лингвистики) традиционен интерес к онтологической природе языка, с которым (а не, например, с «внутренними» лингвистическими задачами) принято соотносить многие частные проблемы описания. Поэтому в рамках СxG актуален вопрос о том, врожденны ли выделяемые лингвистом признаки (так полагал бы сторонник генеративных моделей), или носитель языка освоил их в результате обучения (так считают сторонники функциональных подходов, и в том числе СxG). Из материала Ю. Д. Апресяна, с одной стороны, следует, что огромный пласт признаков антропоцентричен, а значит, они подчиняются более общим, чем язык, когнитивным правилам. С другой стороны, он же настаивает на обилии исключений, способ освоения которых носителем, вообще говоря, неясен, а кроме того, на такой степени сложности взаимодействия правил внутри лексемы, что она сама превращается в некомпозиционную конструкцию в смысле СxG⁶.

⁶ Ср. сноску 15 на с. 118: «Морфологические, синтаксические, сочетаемостные и коммуникативно-просодические связи лексемы, не говоря уж о ее семантических связях

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что на сегодняшний день Ю. Д. Апресян знает про лексику больше всех в мире: только у него имеется такой, в общем, беспрецедентный для теоретика опыт практической лексикографической работы. Конечно, нельзя не учитывать, что такого рода сочетание теории и практики имело устойчивую традицию в русской лингвистике — вспомним В. В. Виноградова с его «Историей слов» (1999), словарно-грамматические труды Н. Ю. Шведовой, работы И. А. Мельчука. Но по охвату, разнообразию и одновременно глубине анализа лексического материала Ю. Д. Апресяна сравнивать не с кем. Поэтому в спорах со сторонниками автономного синтаксиса мы приводим в качестве аргументов его работы, его примеры, его слова о том, что в лексике, в лексической семантике есть система и она интегрально встроена в общую систему языка. Но наши оппоненты возражают нам, открывая другую страницу его книги — его же словами: да, есть регулярные классы и регулярные правила — но с огромным числом исключений, так что главное — словарь. Неужели он — и вместе с ним они — правы? Хочется сказать сакраментальное: «Не верю». И с этой точки зрения «конструкционноцентричное» описание Филлмора — близкое Юрию Дерениковичу по духу, но несколько отличное по философии — может оказаться спасительной альтернативой. И правда: базовых конструкций в языке меньше, чем слов, их проще учить и запоминать. Образуя сложные конструкции, они взаимодействуют и влияют друг на друга, «складывая» свои свойства, чтобы носителям языка легче было ими оперировать. Лексический материал встраивается в конструкции и приспосабливается к ним, и именно поэтому не делится на жесткие классы. Просто семантика лексемы сама по себе настолько гибка и лабильна, что существующий семантический потенциал словарной единицы может обслуживать конструкцию, даже если не полностью ей соответствует. Гибкость и неустойчивость (а не жесткость и многозначность) лексической семантики и является залогом той легкости, с которой лексика (по сравнению с другими языковыми единицами) меняется во времени (исторические изменения) и пространстве (диалектные и идиолектные сдвиги). Это точка зрения, которая нам близка сегодня, но это и та программа, контуры которой были намечены в 1967 году Юрием Дерениковичем Апресяном и терпеливо ждали своего часа.

Е. В. Рахилина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
rakhilina@gmail.com

В. А. Плунгян

Институт языкознания РАН;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
plungian@iling-ran.ru

в словаре, очень часто бывают семантически мотивированными. Но совокупность ее лингвистически существенных свойств не выводима по общим правилам ни из значения лексемы, ни из каких-либо других единиц языка».

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974; 2-е изд.: *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Апресян 1980 — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. 1.* Wien, 1980; 2-е изд.: *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 8—101.
- Апресян 2009 — *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Апресян и др. 1979 — *Англо-русский синонимический словарь.* М.: Русский язык, 1979.
- Апресян, Иомдин 1989 — *Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л.* Конструкции типа *негде стоять*: синтаксис, семантика, лексикография // *Семиотика и информатика.* Вып. 29. 1989. С. 34—92.
- Апресян и др. 1993—1994 — *Апресян Ю. Д., Медникова Э. М.* Новый большой англо-русский словарь. Т. I—II. М.: Русский язык. 1993; Т. III. М.: Русский язык, 1994.
- Апресян, Палл 1982 — *Апресян Ю. Д., Палл Э.* Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Т. 1—2. Budapest, 1982.
- Апресян и др. 2004 — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 2004.
- Виноградов 1999 — *Виноградов В. В.* История слов. М.: Ин-т русского языка РАН, 1999.
- Иомдин 2003 — *Иомдин Л. Л.* Большие проблемы малого синтаксиса // *Труды междунар. конф. по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2003».* Протвино, 2003. С. 216—222.
- Кинэн 1982 — *Кинэн Э. Л.* К универсальному определению подлежащего // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. С. 236—276.
- Кузнецова 2007 — *Кузнецова Ю. Л.* Рец. на кн. Tomasello 2003 // *Вопросы языкознания.* 1. 2007. С. 119—126.
- Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.
- Розина 2005 — *Розина Р. И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: Глагол. М.: Азбуковник, 2005.
- Шведова 1960 — *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 1960.
- Bybee, Dahl 1989 — *Bybee J. L., Dahl Ö.* The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in language.* 13.1. P. 51—103.
- Croft 2001 — *Croft W.* Radical Construction Grammar: Syntactic Theory from a Typological Perspective. Oxford: Oxford U. Press, 2001.
- Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — *Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of «let alone» // *Language.* 64.3. 1988. P. 501—538. (также в сб.: *Tomasello M.* (ed.). *The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure.* Vol. 2. Mahwah; NJ: Erlbaum, 2003. P. 243—270).

- Fried, Boas (eds.) 2005 — *Fried M., Boas H. C.* Grammatical Constructions: Back to the Roots. Amsterdam: Benjamins, 2005.
- Fried, Östman (eds.) 2004 — *Fried M., Östman J.-O.* Construction Grammar in a Cross-Language Perspective. Amsterdam: Benjamins, 2004.
- Goldberg 1995 — *Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: U. of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2003 — *Goldberg A.* Constructions: A new theoretical approach to language // Trends in Cognitive Sciences. 7.5. 2003. P. 219—224.
- Goldberg 2006 — *Goldberg A.* Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford: Oxford U. Press, 2006.
- Michaelis 2004 — *Michaelis L. A.* Type shifting in construction grammar: An integrated approach to aspectual coercion // Cognitive Linguistics. 15.1. 2004. P. 1—67.
- Michaelis 2005 — *Michaelis L. A.* Entity and event coercion in a symbolic theory of syntax // Östman, Fried (eds.). 2005. P. 45—88.
- Östman, Fried (eds.) 2005 — *Östman J.-O. & Fried M.* Construction Grammars: Cognitive Grounding and Theoretical Extensions. Amsterdam: Benjamins, 2005.
- Partee 1995 — *Partee B. H.* Lexical semantics and compositionality // Invitation to cognitive science. Part I: Language / Eds. L. Gleitman, M. Liberman. Cambridge (MA): MIT, 1995. P. 311—360.
- Partee 2007 — *Partee B. H.* Compositionality and coercion in semantics: The dynamics of adjective meaning // Cognitive Foundations of Interpretation / Eds. G. Bouma et al. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2007. P. 145—161.
- Tomasello 2003 — *Tomasello M.* Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Cambridge (MA): Harvard U. Press, 2003.